

самым ярким примером искажения при переводе «склада» русского языка, вызвавшего, по-видимому, еще в те годы его возмущение. Не е ли имел он в виду в 77—78-м стихах той же эпистолы «О русском языке»:

Что очень хорошо на языке французском,
То может в точности быть скаречно на русском.

В конце 1740-х гг. переводов с французского языка издавалось еще мало. Это место прямо перекликается как с процитированным уже 29-м стихом эпистолы: то, что «в точности» повторяет французский оригинал, по-русски звучит «скаречно» («...слово в слово он в слог русский переводит, Которо на себя в обнове не походит»), так и с ее 31-м стихом: «Тот прозой скаречной стремится к небесам». «Скаречной прозой» вполне мог быть назван перевод «Древней истории». В стихах 75—94-м Сумароков как будто дает ответ на критерии «доброто перевода» Тредиаковского, ставшие достоянием публики только спустя четыре года после эпистолы:

По сем скажу, какой похвален перевод:
Имеет в слоге всяк различие народ,
Что очень хорошо на языке французском,
То может в точности быть скаречно на русском.
Не мни перевода, что склад в творце готов:
Творец дарует мысль, но не дарует слов.
В спряжение речей его ты не вдавайся
И свойственно себе словами украшайся... и т. д.

Эти 8 стихов и вправду могли служить ответом Тредиаковскому, который, вероятно, свои взгляды на перевод высказывал в разговорах и до статьи «К читателю». Вместо 14 «критериев» Тредиаковского, требующих точности перевода на разных его уровнях, Сумароков выдвигает лишь одно требование: перевод должен быть подчинен законам русского языка и должен звучать на нем естественно. Поэтому, по мысли Сумарокова, переводчик должен исходить не из текста оригинала, пытаясь передать строй его речи («В спряжение речей его ты не вдавайся»), а только из мысли автора («Творец дарует мысль, но не дарует слов»). Из этих строк, часто бездумно цитируемых в подтверждение заслуги переводчиков разных времен, становится ясным, почему молодой Сумароков не занимался переводами. Заявленное им понимание слова исключает всякую возможность перевода. Не вполне отдавая, вероятно, себе в этом отчета, Сумароков отрицает здесь понимание слова как выразителя мысли, отрицает неразрывную связь слова со смыслом. Почему творец (автор) не дарует слов, когда он выражает свою мысль определенными словами? Но он выражает ее словами иностранными, а переводчик должен выразить ее русскими словами.